

— Где-то в начале 1976-го года снова появилась возможность перевести кого-нибудь из университета в обсерваторию - освободилась ставка инженера, и я опять предложил перейти к нам Смертину, наша совместная работа с которым двигалась вполне успешно. И снова Володя заколебался: с одной стороны - твёрдая бюджетная ставка, независимость от хоздоговоров, Гострема, Кубаровского, здоровый коллектив. С другой стороны - в университете платят больше. Володя попросил пару дней времени подумать, посоветоваться с женой.

— И тут появилась Филь. Бог знает, кто её навёл на обсерваторию. Работала она перед этим в КТИ. Представилась как специалист по программированию на всевозможных языках. А мы как раз решили хотя бы часть небольших задач из числа вспомогательных решать на своей машине ЕС-1020, которая, наконец, была установлена, запущена, налажена и вполне прилично функционировала. Для этого требовалось перевести соответствующие программы с АЛГОЛа, на котором мы работали в Вильнюсе, на ФОРТРАН. Заняться этим было некому, и Филь оказалась подходящей кандидатурой для этого: побеседовав с ней, я убедился, что квалификация у неё достаточно высокая.

— Иванов посоветовал взять её, а не Смертина - Смертин, мол, и так никуда не денется, будет продолжать работать с нами, а мы приобретём нового специалиста. Я согласился с ним, и когда, наконец, Смертин, посоветовавшись с женой, решил принять моё предложение, было уже поздно - в обсерваторию взяли Ларису Филь.

— Вид у неё был довольно впечатляющий: худющая, бледная до синевы брюнетка с прямыми распущенными волосами, разведённая, между тридцатью и сорока годами, курит, одета сверхэкстравагантно - какая-то помесь цыганского и модного современного одеяния (типа брюки и шаль, сумка с развевающейся бахромой, шуба без пуговиц).

— Работала она вроде бы усердно, чему я вначале радовался. Но вскоре выяснилось, что толку от её усердия маловато. Программистом она, действительно, была неплохим, но в алгоритмах разбираться, а тем более составлять их или усовершенствовать, не желала, капризничала, хотя по образованию была математиком, а особых умственных подвигов от неё и не требовалось, иметь же "чистых" программистов, не вникающих в суть алгоритмов, нам представлялось непозволительной роскошью, неэффективным использованием людей, также как и держать "чистых" физиков, не умеющих программировать и не знакомых с численными методами.

— Пришлось оказывать некоторое давление на Филь, заставлять её работать с литературой, самому объяснять непонятные ей вещи. Из-за этих ли деловых контактов или по какой другой причине Филь стала навещать нас в комнату чаще, чем нам бы этого хотелось. Мы в то время с Володей Клименко в обед регулярно пили кофе, у нас была кофейная касса, каждый день мы ходили в магазин за калачами и шпротным паштетом или брынзой, иногда повидлом, и Филь несколько раз буквально навязывалась к нам на "кофеёк", против чего мы поначалу-то, естественно, не возражали. По ходу кофеития и последующего перекура Филь охмуряла нас разговорами о биоритмах и биоциклах, которые она для каждого человека может рассчитать по специальной программе, о телепатии и об искусстве и т.д., и т.п. Экзальтации в этих её разговорах было предостаточно, а больше ничего, и мы с Володей стали старательно избегать её компании.

— Отлаживать на машине программы, которые составляла Филь, нужно было в Ульяновке. Когда она в первый раз поехала туда, то доехала до Ладушкина и из Ладушкина в Ульяновку шла по шоссе пешком под дождём (дело было весной) в своей шубе без пуговиц, в брюках и туфлях на босу ногу (!), и этим своим неопишуемым видом произвела потрясающее впечатление на Нину Коренькову и других сотрудников обсерватории.

— Ну и кралю себе Намгаладзе отхватил! - только и смогла изречь Коренькова.

— Но произведённого фурора Филь сочла недостаточным. Поскольку она жила, как

оказалось, где-то на частной квартире в Зеленоградске, то, естественно, ездить оттуда каждый день в Ульяновку ей было тяжело, и она попросилась поселить её в гостиничную квартиру в нашем измирановском доме в Ладушкине. В квартире этой тогда жил наш новый сотрудник, недавно принятый в обсерваторию на должность начальника машины, Игорь Шандура - невысокий, хромоногий, еврейского склада парень в очках, толковый специалист, но не любимый Ниной Кореньковой, её непосредственный начальник, которого она-то не считала толковым специалистом (ещё меньше таковым она считала Лаговского, стоявшего над ними обоими). Несколько дней Игорь с Ларисой жили вместе в одной квартире, и Шандура с содроганием вспоминал об этих днях, так она допекла его своими разговорами и манерами.

Игорь Шандура у пульта ЭВМ ЕС-1020.

Зачем-то пришлось послать её на пару дней в командировку в Вильнюс (отвезти или привезти колоды перфокарт или распечатки). Она с радостью туда поехала и... пропала. Появилась через две недели.

- Где же Вы были, Лариса?

- Как где? В Вильнюсе.

- А почему так долго? Что Вы там делали?

- Я болела там.

- А почему телеграмму не дали о продлении командировки?

- А разве надо было?

- Конечно.

- Я не знала, что это для Вас так важно.

- Это не для меня так важно, это порядок такой. А справку взяли от врача, больничный, то есть?

- Вы что, мне не верите?

- Ох ты, господи, боже мой! Да Лариса, Вы что, первый год работаете?

В то время как раз я случайно повстречался с Валеркой Машавцом, сыном наших соседей по Красной, работавшим теперь в КТИ.

___ - Вы, я слышал, Филь к себе взяли? - спросил он меня.

___ - Да. А что? Ты её знаешь, что ли?

___ - А как же. У нас работала. Ну и намучаетесь вы с ней.

___ - Что, специалист плохой? Нам не показалось.

___ - Да нет, пожалуй. Работать она может. Вот только мозги у неё со сдвигом, по секрету.

___ Но мы намучиться с Филь как следует не успели. Вскоре она снова исчезла и теперь уже окончательно. Правда, через месяц от неё пришла записочка из Сухуми, что она там болеет (в Сухуми у неё вроде бы жил отчим), а ещё через месяц она запросила туда же свою трудовую книжку. Огорчало меня в этом то, что у Ларисы в пользовании находился талмуд - конторская книга со сводкой всех формул, используемых в модели, и я уже мысленно распрощался с ним, хотя и написал Филь письмо с просьбой вернуть талмуд, выслать его почтой. На письмо это долго не было никакого ответа, но вот, наконец, на адрес кирхи пришла телеграмма из Сухуми: "Не беспокойтесь сегодня удалось отправить нежный привет кирхе = Лариса". Это была последняя весточка от неё (я долго хранил эту телеграмму у себя на столе под стеклом), а вскоре пришёл и талмуд.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыбакова-любителя"](#)